

Спасибо немцам! Еврейская культурная автономия в Эстонии между мировыми войнами.

Антон Вайс-Вендт

Норвежский центр Холокоста, Осло, Норвегия

Перевод с английского Рут Брашинской

Статья рассматривает контекст эстонского закона о культурной автономии февраля 1925 г. Она доказывает, что еврейское меньшинство оказалось непреднамеренно облагодетельствованным уступками, гарантированными эстонским правительством балтийским немцам, которые в прошлые годы лишились права на владение землей. В отличие от этнических немцев, считавших культурную автономию тактическим отступлением, евреи полностью воспользовались возможностью укрепления общинных связей. Культурная автономия осуществлялась в течение 1930-х гг. в основном благодаря большому желанию авторитарного режима, захватившего власть в Эстонии в 1934 г., избежать конфликта с нацистской Германией. Что же касается евреев – то даже отсутствие тенденций объединения по этническому и лингвистическому принципам показывало, что они способны сохранить свой статус.

Ключевые слова: Эстония; евреи; культурная автономия; антисемитизм; этнические меньшинства; национализм; Лига Наций.

По сравнению с другими странами центральной Восточной Европы, отношение к меньшинствам населения в Эстонии в период между войнами может считаться почти образцовым. Хотя Эстония была не первой европейской страной, предоставившей еврейскому меньшинству культурную автономию, она не была у него отнята или сокращена, как в соседних Литве и Латвии. До настоящего времени ученые объясняли этот прецедент просто доброжелательностью эстонских властей. Я считаю, однако, что евреи оказались случайно облагодетельствованы из-за сложных отношений двух больших национальных меньшинств, русских и немцев, с эстонским государством. Еврейская культурная автономия в Эстонии (1925-1940) возникла как непреднамеренный результат компромисса между правительством и этническим немецким меньшинством. Евреи полностью воспользовались пунктом законодательства, предполагавшим успокоить бывший землевладельческий класс, поддерживаемый Германией.

Чтобы показать политическую подоплеку эстонского закона о культурной автономии и причины, по которым он поддерживался в течение периода независимости, я рассмотрел

взаимодействие между внутренней и внешней политикой Эстонии. Во-первых, я обдумываю переговоры Эстонии с Лигой Наций относительно так называемой главы о меньшинствах (“Minority Clause”). Во-вторых, я обсуждаю борьбу в эстонском парламенте по вопросу культурной автономии. Говоря об особенностях еврейской культурной автономии, я кратко касаюсь ситуации со шведским и русским меньшинствами в Эстонии. В заключение, я размышляю о том, почему рост национализма в Эстонии в 1930-е гг. прямо не задел этнические меньшинства страны.

Эстонская еврейская община: историческое обозрение

История евреев Эстонии началась поздно и закончилась внезапно. Первые еврейские общины в Эстонии появились в середине XIX в., гораздо позже, чем в Латвии и Литве. К 1867 г. в Эстонии было только 657 евреев. В течение следующих тридцати лет, однако, эстонское еврейское население выросло беспрецедентно, достигнув наивысшей точки около 5.500 человек накануне Первой мировой войны. Евреи составляли более 2% от общего населения Таллинна и 3,4% в Вильянди. В то время 3/5 эстонских евреев жили в Тарту (2027) и Таллинне (1100). Менее 10% предпочли жить в сельской местности.¹ Немецкая оккупация Эстонии, продолжавшаяся с февраля 1918 г. по ноябрь 1919 г., не нарушила в сколько-нибудь значительной степени течения еврейской жизни в Эстонии, в противоположность последующему захвату страны большевиками. Трудности войны и административные акты нового режима привели к полной остановке еврейской общественной жизни в таких городах, как Нарва. Из довоенного еврейского населения числом 523 человека в Нарве осталась только одна треть.² Между 1922 и 1934 гг. еврейское население Эстонии сократилось еще на 3%. К тому времени евреи составляли 0,4% от общего числа населения Эстонии (4.434 человека). Таллинн превосходил Тарту по значению, так что к середине 1930-х гг. половина евреев жила в эстонской столице и только 920 – в Тарту. Только 79 евреев (1,7%) жили в сельской местности. Таким образом, эстонское еврейство было самым урбанизированным в центральной Восточной Европе.

Версальский договор поставил евреев в трудное положение в большинстве восточноевропейских стран. Еврейское меньшинство оказалось стиснутым между двумя взаимно противостоящими группами, такими как украинцы и поляки в Галиции, или немцы и чехи в Богемии и Моравии. Положение евреев в Литве значительно отличалось от их положения в Латвии и Эстонии. Литовцам была нужна поддержка евреев против поляков в Вильне. В бывших балтийских губерниях Российской империи, где количество этнических меньшинств было больше двух, межэтнические союзы не были так четко обозначены. Статистически доминирующая национальность в этих двух странах старалась твердо противостоять бывшим угнетателям, немцам и русским. Большие усилия предпринимались относительно того, чтобы помешать приобщению этнических эстонцев к русской или немецкой культуре. Культурные эстонцы становились объектом презрения за их якобы предательство возрождающейся эстонской нации.³ Поэтому было не важно, объединятся евреи с немцами или с русскими, лишь бы они не стояли на пути большинства населения страны.

Евреи в независимой Эстонии

В сравнении с латвийскими евреями, эстонская еврейская община была в материальном отношении бедной. Согласно отчету American Joint Distribution Committee, AJDC (Джойнт) середины 1920-х гг., большинство из 65 еврейских семей в Нарве – пятой по размеру еврейской общины страны – жили в ужасной бедности.⁴ Между октябрем 1914 г. и декабрем 1940 г. Джойнт предоставил помощь эстонским евреям на сумму 4 тыс. долларов США. Это было практически ничто по сравнению с 533 тыс. долларов, потраченными в Латвии и 1 млн. 625 тыс. долларов – в Литве. Даже Финляндия, чья еврейская община по размеру была сравнима с эстонской, получала финансовой помощи в четыре раза больше.⁵ Однако, даже эта скудная помощь помогала облегчить долю эстонских евреев.

Экономические возможности эстонских евреев не шли ни в какое сравнение с положением балтийских немцев. Эстонские евреи контролировали только 2,3% торговли и 0,6% промышленности, хотя за ними числились 2% слабо развитой тяжелой индустрии страны. Почти все принадлежащие евреям крупные компании находились в Таллинне. Согласно обследованию, проведенному Еврейским культурным советом в 1935 г., евреи были заняты в следующих профессиях: торговля – 30%, мелкий бизнес – 24%, ремесленники – 15%, рабочие – 14%, профессионалы – 10%, крупный бизнес – 5%, домовладельцы – 1%, религиозные функционеры – 1%. Между 1925 и 1933 гг. количество бизнесов, принадлежащих евреям, сократилось на 25%. Из 38 эстонских евреев, занятых в сельском хозяйстве, только четверо владели фермами.⁶

Среди интеллигенции страны эстонских евреев было мало. В отличие от еврейских общин Литвы и Латвии, эстонское еврейство не дало миру знаменитых ученых, художников или писателей (за исключением Луиса И.Кана). К середине 1930-х гг. только половина эстонских еврейских детей посещала еврейские школы. 18% детей учились в немецких школах, 17% - в эстонских и еще 10% - в русских, тогда как в предыдущее десятилетие 45% еврейских детей посещали русские школы.⁷ Родители обычно объясняли свой выбор школы для детей недостаточным владением эстонским языком. Число еврейских детей в эстонских школах увеличилось после 1934 г. Начиная с этого времени, родители должны были посылать своих детей в государственные школы в случаях, когда обучение детей на их родном языке (в этом случае, идиш) было недоступно.⁸ Немецкоязычное образование было популярно также среди латвийских евреев. В 1923 г., например, 15% учеников латвийских немецких школ были евреями. В отличие от эстонских евреев, латвийские евреи часто использовали немецкий язык в качестве языка общения.⁹

Небольшая численность и высокий уровень урбанизации и ассимиляции помогли эстонскому еврейскому меньшинству стать многоязычным. Около 70% эстонских евреев хорошо знали немецкий язык; для многих евреев Эстонии в период между войнами немецкий был первым иностранным языком, который они изучали. До 1930 г. языками обучения в Таллиннской еврейской средней школе были русский и иврит, позже – иврит и идиш. Из-за отсутствия среди эстонских евреев ортодоксальной традиции, у ораторов, выступающих на иврите, была довольно ограниченная аудитория. Это, однако, не мешало острой перебранке между гебраистами и идишистами в Эстонии.¹⁰ В конце

концов, еврейская лингвистическая традиция в Эстонии оказалась недостаточно развитой. Когда советский режим отменил культурную автономию в 1940 г. и запретил публичное использование идиш и иврита, эстонские евреи приняли это гораздо легче, чем их единоверцы в Латвии и Литве.¹¹

Число еврейских студентов в Тартуском университете сократилось со 188 чел. в 1926 г. (4% от общего числа студентов) до 69 чел. в 1938 г. (2,1%). Некоторые евреи жаловались на дискриминацию при вступительных экзаменах.¹² В 1934 г. Еврейское академическое общество в Тартуском университете получило разрешение учредить кафедру иудаистики. Между 1934 и 1941 гг. на этой кафедре обучался 21 студент (4 из Эстонии, 13 из Латвии, 2 из Литвы и 2 из Германии). Из-за запрета принимать евреев в немецкие университеты в Тарту на учебу приехали пять раввинов, чтобы работать над степенью мастера (хотя только один из них, Мозес Зиглер, получил эту степень в 1937 г.).¹³

Общей поддержкой среди эстонских евреев пользовался сионизм. Внутри сионистского движения евреи тяготели к социалистическому сионизму и общему сионизму. Главное различие между Эстонией и двумя другими балтийскими странами состояло в заметном отсутствии еврейских ортодоксальных политиков, представленных партией *Agudes Yisroel*. Другими словами, еврейская политическая картина в Эстонии представляла собой нечто среднее между тем, что существовало в Латвии и Литве. Возможно, сионизм в Эстонии был так же силен, как и в Литве. В то же время, твердая поддержка Народной партии в Латвии была такой же, как в Эстонии.¹⁴ В целом же участие эстонских евреев в политической жизни было скорее пассивным. На парламентских выборах эстонские евреи всегда голосовали за социалистов.¹⁵

В целом евреи тянулись скорее к русским и немцам, чем к эстонцам. Согласно одному толкованию, дело было не в солидарности между меньшинствами, а скорее в тяготении к традиционной балтийской элите. Главной помехой в эстонско-еврейских отношениях был тот факт, что евреев не принимали на государственную службу в независимой Эстонии.¹⁶ В этом отношении эстонские власти следовали политике, принятой в Латвии и Литве. То, что евреев было запрещено принимать на государственную службу, невозможно доказать, это не подтверждается сохранившимися документами. Дискриминация при приеме на работу не отражена также в официальной статистике. Наоборот, согласно переписи населения 1934 г., 13,2% эстонских евреев были служащими (*ühiskondlik tegevus*). Эта категория включала в себя образование, социальное обеспечение, армию, религию, муниципальные и государственные службы, так же, как и врачей, юристов, землемеров и т.д. Итак, согласно государственной статистике, процент служащих (*ametnikud*) среди эстонского и еврейского населения был 7,1 и 18,7 соответственно.¹⁷ Бессмысленно говорить, что эти данные не точно отражают действительность. Смешанные браки между евреями и не евреями были в Эстонии редкими. Данные о смешанных браках ранних 1930-х гг. показывают, что после этнических эстонцев евреи были самой эндогамной группой.¹⁸

Отношения между эстонским большинством и еврейским меньшинством можно было бы назвать дружескими, однако, в значительной степени поверхностными. Когда газеты, очень редко, писали о евреях, они имели тенденцию относиться к ним как к чему-то экзотическому, не имеющему глубокой привязанности к эстонской земле. «Что мы

знаем о жизни нарвских евреев?» - таков был заголовок статьи, появившейся в местной эстонской газете в 1930 г. В первом предложении говорилось: «Мы знаем евреев как ловких бизнесменов, и это, возможно, все». Нарвские евреи были изображены открытыми сионистами, беспрерывно собирающими средства для еврейских поселений в Палестине. Некоторые семьи уже перебрались в Палестину, другие покупали там участки земли, готовые уехать, если ситуация в Эстонии станет хуже. Статья заканчивалась утверждением, что евреи Нарвы, как и в других местах, были решительно настроены сохранить свою религиозную и этническую принадлежность к еврейству.¹⁹

Картина еврейской эмиграции из Эстонии отличалась от наблюдавшейся в большинстве других стран центральной Восточной Европы; в Эстонии фактор притяжения был значительнее фактора выталкивания. В относительном выражении, однако, евреи наряду со шведами и балтийскими немцами, покидали Эстонию в более высокой пропорции, чем русские или эстонцы. В 1927 г., например, евреи составили 2% (26 человек) от общего числа эмигрантов.²⁰ Эстонские евреи были в числе основателей двух киббуцев в Палестине – Кфар Блум и Эйн Гев.²¹ Несомненно, уровень эмиграции мог быть выше, если бы не существовали ограничения по поводу иммиграции в потенциально принимающих странах. Британские власти ограничили еврейскую эмиграцию в Палестину сразу после арабских бунтов 1936-1939 гг. В США закон 1924 г. установил ежегодную квоту въезда для Эстонии в 116 человек. Некоторые евреи думали, что Эстония могла бы принять существенное число еврейских эмигрантов из других европейских стран. Эта идея обсуждалась несколькими делегатами Еврейского конгресса, проходившего в Таллинне в 1919 г.²² Джойнт признал важность Эстонии как места назначения для еврейских беженцев из Германии и Австрии. Между 1933 и июлем 1938 г. Джойнт оказал помощь беженцам, прибывшим в Эстонию, на сумму 2 тыс. долларов. Соответствующие суммы для Латвии и Литвы составили 100 и 400 долларов.²³

По сравнению с другими европейскими странами в конце 1930-х гг. в Эстонии практиковалась достаточно мягкая иммиграционная политика. И хотя еврейская иммиграция в Эстонию не поощрялась, всем, кто добрался до страны, было разрешено остаться. Нет свидетельств того, что еврейских иммигрантов в Эстонии когда-либо оскорбляли, как случалось, например, во Франции и Швейцарии. Публично и в частных беседах, однако, эстонские официальные лица часто выражали свою решительность предотвратить массовый наплыв еврейских иммигрантов. В июле 1938 г. министр по социальной политике в интервью отрицал существование так называемого «еврейского вопроса» в Эстонии, ссылаясь на равенство эстонских граждан перед законом. Далее, однако, он сказал, что евреев впускать в страну больше не будут.²⁴ Официальная позиция по отношению к еврейским иммигрантам в Эстонии не была враждебной. Действительно, уровень антисемитизма в Эстонии периода между войнами был ниже, чем в большинстве стран центральной Восточной Европы. Примеры анти-еврейских предубеждений в Эстонии меркнут в сравнении с размером бытового и политического антисемитизма в других двух балтийских странах, особенно в Литве.

Христианский антисемитизм был традиционно силен в католических странах, таких как Литва. В Эстонии, где основным вероисповеданием было лютеранство, отождествляемое с немецкими завоеваниями, оно не обязательно рассматривалось как национальная религия. По этому же признаку радикальные правые в Эстонии (движение

ветеранов войны, или так называемые «Вапсы») – в противовес подобным организациям по всей Европе – воздерживались от открытых нападок на меньшинства. «Еврейский вопрос» заполонил публикации Вапсов только после прихода к власти Гитлера в 1933 г. Евреи редко подвергались прямым атакам Вапсов, которые ставили их в один ряд с балтийскими немцами, социалистами и парламентскими блоками. Стереотипное изображение еврейского богатства было наиболее принятой формой проявления антисемитизма. Важно отметить, что Вапсы пропагандировали ту же форму национализма, что и другие политические партии. Среди их приоритетов был рост эстонского национального самосознания и уверенности в себе. Что касается антисемитизма – поразительна разница между эстонскими и латвийскими дофашистскими движениями. Латвийские Perkonkrusts однозначно называли евреев – наряду с немцами, русскими и поляками – врагами их независимого государства. Одной из ранних политических мер, принятых этой группой, был бойкот еврейских магазинов.²⁵ Еврейские комментаторы за рубежом называли несколько факторов, способствовавших поддержанию уровня антисемитизма в Эстонии в период между войнами на относительно низком уровне: прагматизм эстонского народа, малое число еврейского населения и сравнительно незначительное экономическое влияние еврейской общины. Эти факторы могли препятствовать распространению людской зависти и враждебности, спасая, таким образом, евреев от участи козлов отпущения во время потенциального кризиса.²⁶ Эти же факторы повлияли на решение эстонского правительства предоставить евреям официальный статус меньшинства в 1925 г.

Эстония и Лига Наций

По сравнению с другими странами центральной Восточной Европы Эстония была относительно однородной по составу населения. Национальные меньшинства составляли немногим более 10% от общего населения Эстонии (в сравнении с 30% в среднем по центральной Восточной Европе). Однако Эстония была самой нерешительной из трех балтийских стран в деле подписания международного договора, гарантирующего права меньшинств. Вопрос о меньшинствах наносил ущерб международному признанию Эстонии. Для нового государства, такого как Эстония, членство в Лиге Наций было синонимом признания его суверенитета. В качестве условия вступления в Лигу Наций 15 декабря 1920 г. трем балтийским странам было предложено подписать декларацию, подтверждающую права национальных меньшинств. Эстония и Латвия отказались это сделать, ссылаясь на тот факт, что они не обязаны своей независимостью Версальскому мирному договору или Парижской мирной конференции. Эстонские официальные лица утверждали, что рекомендации Лиги Наций уже фактически реализованы в Эстонской конституции, в которой была статья о меньшинствах. На самом деле конституция 1920 г. упоминала только религиозное и национальное равенство. Требования же Лиги Наций относились к тому, чтобы религиозные различия не влияли пагубно на гражданские и политические права меньшинств. Другой проблемой было то, что Эстония не предоставляла автоматически

гражданства всем, не имеющим подданства лицам, а только беспризорникам или лицам, родители которых были неизвестны.²⁷

Переговоры между Лигой Наций и Эстонией относительно защиты прав меньшинств были трудными и продолжительными. Эстония очень старалась избежать международных обязательств относительно меньшинств, считая такие обязательства нарушением ее суверенитета. Литва поддалась международному нажиму первой, подписав статью о меньшинствах в мае 1922 г. За ней последовала Латвия в июле 1923 г. Это сделало эстонскую позицию еще более неудобной. Однако в последний момент Эстония сумела внести в Декларацию о меньшинствах статью, обуславливающую, что Лига Наций не может принимать информацию относительно нарушения прав меньшинств в Эстонии, исходящую из-за пределов самой Эстонии. Это было, в основном, по Германии, которая таким образом теряла легальный путь вмешательства в дело защиты прав этнических немцев в Эстонии. Более того, текст Декларации существенно мешал Совету Лиги Наций предпринимать какие-либо шаги против потенциальных нарушений прав меньшинств в Эстонии. Декларация о меньшинствах была, в конце концов, подписана Эстонией 17 сентября 1923 г. Декларация похожа на Договор о меньшинствах, т.к. оба документа утверждали систему петиций, которые этнические меньшинства могли подавать в секретариат Лиги Наций против своих правительств.²⁸

Немецкое, еврейское, польское и русское меньшинства обращались в Лигу Наций по поводу нарушений их прав в балтийских странах еще до того, как Литва, Латвия и Эстония стали членами этой организации. Было бы поучительно сравнить обращение с национальными меньшинствами в балтийских странах до и после их присоединения к Лиге Наций. В Литве национальные меньшинства составляли более 15% от общего числа населения, и из нее поступало большее количество жалоб в Лигу Наций (34) в основном от этнических поляков. Одна петиция была от русских, две – от украинцев, остальные четыре касались тяжелого положения евреев в Литве. В Латвии процент национальных меньшинств в составе населения был самым высоким (26%) в Прибалтике. Из шести петиций, поданных против латвийского государства, балтийские немцы и еврейская община послали по одной. Только две петиции были переданы в Лигу Наций из Эстонии, обе исходили от меньшинства балтийских немцев. В обоих случаях дело касалось земельной реформы 1919 г.²⁹ Эстонский представитель в Лиге Наций оспаривал дополнительные обязательства относительно национальных меньшинств, ссылаясь на то, что ни еврейская, ни русская, ни шведская общины, ни на что не жаловались.³⁰

То, что русские и евреи отсутствовали в числе жалобщиков, не значило, однако, что эти две группы считались полноправными народами Эстонии. Представители эстонских евреев выразили свою поддержку еврейским делегациям на Парижской мирной конференции в 1919 г. На самом деле, Джойнт оказывал давление на Лигу Наций, чтобы та создала условия для подписания балтийскими странами Декларации о меньшинствах. В ходе переговоров специальный корреспондент по Эстонии, ссылаясь на русские и еврейские газеты, выходящие во Франции, выразил свое удовлетворение тем, как обращаются с обоими меньшинствами в Эстонии. Может быть, поэтому из черновика декларации, которую Эстония должна была подписать, была исключена статья,

касающаяся статуса еврейского меньшинства. Как только эстонское государство подписало Декларацию о меньшинствах, местная еврейская община решила прекратить подачу петиций.

Балтийские немцы не боролись бы за свои права так энергично, если бы они не чувствовали мощнейшей поддержки правительства Германии. Веймарская республика выступала в роли поборника меньшинств в Европе. Германией двигала комбинация ревизионистских надежд, народной идеологии и гуманитарных забот. В то время как ближайшей целью немецкой международной политики о меньшинствах было поддержание тесных связей с этническими немецкими общинами за рубежом, более отдаленной целью был пересмотр границ. За исключением Советского Союза, Веймарская Германия была единственной силой в Европе, заинтересованной в действенности Договора о меньшинствах. Статус парии, тянувшийся за Германией со времени Парижской мирной конференции, ставил крест на ее предложении предоставить «культурную автономию» всем меньшинствам в Восточной Европе. Подобное предложение, внесенное еврейскими делегациями, было просто отклонено. В целом, кампания о меньшинствах 1920-х гг. не дала ощутимых результатов.³¹ Это произошло, отчасти, из-за двойных стандартов немецкой политики о меньшинствах. Германия рисковала раскрыть свои ревизионистские или ирредентистские (воссоединение по этническому признаку) цели, если бы она решила упрекать восточно-европейские правительства за их обращение с меньшинствами.³² Тем не менее, эта кампания повлияла на законодательство на национальном уровне, и эстонский закон о культурной автономии – яркий тому пример.

Закон о культурной автономии

Закон о культурной автономии, принятый Эстонией в феврале 1925 г. и широко расхваленный за границей, был результатом как доброй воли, так и политического компромисса правительства Эстонии. И хотя право на культурную автономию было распространено на все национальные меньшинства, предназначено оно было, в первую очередь, для балтийских немцев. Неожиданного успеха этот закон достиг накануне коммунистического путча в декабре 1924 г. Безуспешная попытка захвата власти явилась толчком для внутреннего политического движения и чувства национального единения. Эстонское правительство заслужило международную похвалу за его благожелательное обращение с меньшинствами в то время, когда страна нуждалась в этом больше всего. Однако это не было полностью самопроизвольным актом, а скорее рассчитанным шагом, целью которого было успокоить немецкое меньшинство. Балтийские немцы получили культурную автономию как компенсацию за прошлые обиды и за ожидаемый ущерб. Что касается влияния закона об автономии на евреев, - анализ показывает, что эта группа оказалась в непреднамеренном выигрыше из-за тройственных отношений между эстонцами, немцами и русскими.

Фактор балтийских немцев играл решающую роль в принятии закона о культурной автономии в феврале 1925 г. Самым важным событием, повлиявшим на его принятие, была земельная реформа, проведенная эстонским правительством шесть лет назад. Исторически этнические немцы владели большей частью пахотной земли в Эстонии и

Латвии. Когда в феврале 1918 г. была провозглашена Эстонская Республика, до 58% всей земли все еще принадлежали немецким владельцам, тогда как 2/3 эстонских крестьян (около 500.000) вообще не имели земли. Таким образом, экспроприация земли была только вопросом времени. Принимая во внимание, что крестьянство составляло ядро молодого эстонского государства, нельзя было недооценить номинальную и абстрактную цену земли для эстонцев. В начале трехсторонней гражданской войны в Эстонии в 1918 г. фракция, выступавшая за независимость, сделала умный ход, заручившись поддержкой крестьянства обещанием бесплатных земельных наделов. Социальное напряжение спадало по мере того, как безземельные крестьяне получали землю в собственность. Более того, демонтаж крупных поместий символизировало уничтожение главенства в регионе ненавистных балтийских немцев.³³

Возврат земель был проведен в Эстонии радикальнее, чем в Латвии и Литве. Балтийские немцы не смирились с потерей земли. Земельная реформа 1919 г. лишила этнических немцев не только их собственности, но и их высокого статуса. Некоторые балтийские немцы, потеряв надежду, эмигрировали в Германию. Унижение, испытанное немцами от эстонцев, заставило местную немецкую общину обратиться с жалобой в Лигу Наций. Политические деятели балтийских немцев обвинили эстонское и латвийское правительства в прямом надругательстве над немецким меньшинством посредством земельной реформы. В феврале 1921 г. в Лигу Наций была подана совместная петиция от немецких землевладельцев Эстонии и Латвии, всколыхнувшая заботы международных еврейских организаций относительно положения евреев в балтийских государствах. Поэтому Лига Наций приняла требование к Литве, Латвии и Эстонии, обязуя их соблюдать права своих меньшинств. Совет Лиги Наций сочувственно относился к делу балтийских немцев, справедливо доказывая, что аграрная реформа в Латвии и Эстонии была проведена дискриминационно и нарушила принцип равенства перед законом. В то же время члены Совета были убеждены, что экспроприация земли, как средство социальной и экономической консолидации в этих двух странах, была неизбежна.³⁴ Поэтому против Эстонии не было предпринято никаких мер.

Община балтийских немцев в Эстонии подняла в первый раз вопрос о культурной автономии в августе 1919 г. Немецкое меньшинство выбрало сотрудничество с эстонским большинством после серьезной критики за отказ от голосования в парламенте по вопросу эстонской независимости год назад. Вначале партий балтийских немцев возглавила борьбу за права меньшинств в Эстонии. Построенная по этническому принципу, партия балтийских немцев выступала как от имени местной общины, так и от имени немцев в целом. Закон о культурной автономии был принят благодаря непрерывному лоббированию немецкой парламентской фракции. Местные немцы рассматривали культурную автономию не только как средство сохранения их этнической принадлежности, но и как путь удержать Эстонию внутри немецко-европейской культурной сферы.³⁵

Эстонские политики не избежали внимания международных средств массовой информации. Во время парламентских дебатов по закону о культурной автономии иногда упоминалась Лига Наций. Политики, выступающие за автономию, ссылались на обязательство Эстонии перед Лигой наций защищать меньшинства. Однако первые два варианта закона были в парламенте отклонены. Как отмечалось выше,

коммунистическая активность в Эстонии изменила направление дебатов в пользу культурной автономии для меньшинств. Совет еврейских общин в Эстонии опередил немецкую балтийскую партию, послав благодарственную телеграмму парламенту.³⁶

Есть основание верить, что эстонское правительство обменяло закон о культурной автономии на маленькую, но символически важную уступку со стороны балтийских немцев. На следующий день после третьего чтения закона об автономии, 5 февраля 1925 г., министр внутренних дел, Карл Эйнбунд, заявил, что немецкий лютеранский собор в Таллинне переходит в собственность эстонского государства. Целью этого определенно антиконституционного хода было снизить немецкое влияние на церковные дела. Община балтийских немцев в Эстонии, в целом, чувствовала себя более довольной, чем ее собратья в Латвии, но спор о соборе вскрыл едва зажившую рану, вызванную земельной реформой. Говоря о недавнем коммунистическом путче, газета балтийских немцев риторически спрашивала, почему эстонские власти хотят подвергнуть опасности политическую стабильность в стране во время, когда две общины должны сплотиться против общей угрозы с востока. Эстонская националистическая пресса подхватила существующее антикоммунистическое настроение, спекулируя тем, что для достижения своих целей балтийские немцы могли бы объединиться с большевиками. Как и следовало ожидать, высказывания о подоплеке закона о культурной автономии были опровергнуты. Международная пресса больше поддерживала дело балтийских немцев, сравнивая то, как эстонцы относились к немцам с тем, как русские обращались с эстонцами во время кампании русификации в конце XIX в. Несмотря на негативную реакцию за рубежом, эстонское правительство не шло на уступки относительно собора частично потому, что слабая Веймарская республика решила отстраниться от дебатов.³⁷ Балтийские немцы, безземельное и поэтому бессильное меньшинство, тянулись к культурной автономии, чтобы вернуть хоть какое-то подобие суверенитета. Вдобавок, закон об автономии обеспечивал самообложение налогом в качестве небольшой компенсации за конфискованную землю.³⁸

Евреи как меньшинство

Евреи сталкивались с проблемами, которых у других меньшинств в Эстонии не было. Самым главным вопросом было признание евреев этническим меньшинством. Ранее, в 1918 г., эстонское временное правительство выдавало себя за дружески настроенное по отношению к меньшинствам, признав немцев, русских, шведов и латышей этническими меньшинствами. В отличие от других групп, евреи, однако, не имели своих представителей в правительстве. Ко времени, когда поздней весной 1919 г. начало свою работу учредительное собрание, меньшинства уже потеряли свой мандат в правительстве. Временная конституция больше не упоминала право на автономию, обсуждавшееся ранее. Эстонские политики выражали озабоченность тем, что автономия потенциально может нарушить принцип суверенитета Эстонии.³⁹ Конституция 1920 г. упоминала только три этнические группы, исторически связанные с Эстонией – немцев, русских и шведов.⁴⁰

Отсутствие упоминание евреев в основных законодательных документах следует отнести скорее к их незаметности в Эстонии, чем к злобным намерениям. Не имея

политического опыта, эстонские евреи не знали, что надо было делать, чтобы их голос был услышан. Евреи были едва видны на политической арене, в отличие от сильных традиций политической организации среди балтийских немцев. Не в пример Латвии, эстонские немцы решили сотрудничать с другими этническими группами в борьбе за права меньшинств. Их вклад в объявлении закона о культурной автономии служил примером таких общих усилий. Эстонские парламентарии немецкого, русского и шведского происхождения вместе представили в парламенте первый вариант закона весной 1921 г. В процессе переговоров Эстонии с Лигой Наций член эстонского парламента, немец, представил на рассмотрение декларацию от имени трех меньшинств страны. Оглядываясь назад, следует сказать, что немецко-шведский блок в эстонском парламенте очень походил на настоящую партию этнических меньшинств.⁴¹

Временный закон о натурализации отказывал в гражданстве большинству евреев в Эстонии. Из-за того, что Эстония находилась вне черты оседлости, до 1917 г. евреи не могли официально регистрироваться в качестве жителей Эстонии, как требовал закон о натурализации. При абсолютном отсутствии упоминания в законе еврейского вопроса, евреев по умолчанию относили к категории легальных иностранцев. Конгресс еврейских общин Эстонии, состоявшийся впервые в Ревеле (Таллинне) между 11 и 16 мая 1919 г., намеревался решительно бороться до тех пор, пока все эстонские евреи, которые захотят этого, не получат эстонское гражданство. Местные евреи считали Эстонию своей родиной, одновременно внося свою долю в сионистскую программу заселения Палестины. В качестве предпочтительной формы урегулирования внутри Эстонии Конгресс определил национальную культурную автономию.⁴² Если эстонские власти были так расположены по отношению к этническим меньшинствам страны, как утверждалось ранее, удивительно, почему же евреи получили вожделенный статус только пять лет спустя, и даже тогда только благодаря напряженным усилиям меньшинства балтийских немцев.

Евреи, в конце концов, получили статус этнического меньшинства в Эстонии не без помощи парламентской фракции балтийских немцев. В результате продолжительных дебатов в парламенте, закон о культурной автономии от 12 февраля 1925 г. признавал меньшинством любую этническую группу числом в 3.000 или более человек. Однако в счет принимались только граждане Эстонии. Довольно интересно, что американский консул в Эстонии понял из документа, что только немцы, русские и шведы подходили под определение этнического меньшинства. Консул скептически отнесся к тому, что эстонское правительство примет во внимание просьбу еврейского меньшинства о культурной автономии.⁴³

Закон об автономии предназначался для умиротворения балтийских немцев, которые, действительно, были первыми, кто полностью воспользовался своим новым статусом. Через два месяца после провозглашения закона немецкая парламентская фракция и немецкая культурная организация обратились к правительству за разрешением провести выборы в совет по культуре. 17 апреля 1925 г. такое разрешение было дано. Культурное самоуправление немецкого меньшинства в Эстонии официально вступило в силу 4 ноября 1925 г.

У евреев на введение культурной автономии ушло гораздо больше времени. 19 октября 1925 г. таллиннская еврейская община заявила от имени эстонского еврейства о желании

установить культурное самоуправление. Полугодовая задержка была, естественно, вызвана необходимостью предоставить требуемое число членов соответствующего меньшинства с эстонским гражданством – 3.000 человек. Эстонские евреи еле наскребли необходимое число граждан Эстонии (3.045 человек), чтобы получить автономный статус. Остальные члены общины, около 1.500 человек, имели гражданство других стран или вообще не имели его.⁴⁴ Это еще больше усилило предположения, что авторы закона о культурной автономии не считались с евреями. Правительство разрешило выборы еврейского культурного совета в марте 1926 г., и они состоялись между 23 и 25 мая. Принимая во внимание, как проходили выборы, евреи показали большой энтузиазм по поводу культурной автономии, чем балтийские немцы. 71% и 67% зарегистрированных еврейских и немецких избирателей участвовали, соответственно, в выборах первого культурного совета. Разница увеличилась ко времени вторых выборов три года спустя, когда голосовали 81% евреев и 64% балтийских немцев. Для евреев культурная автономия была конечной целью, тогда как для балтийских немцев она была скорее тактическим отступлением, которое они взвешивали в связи с современной политической обстановкой в Германии. За культурную автономию, однако, надо было платить. Принимая автономию, еврейское и немецкое меньшинства дали обещание придерживаться принципа отделения культуры от политики. Культурное самоуправление исключало участие в политике.⁴⁵

Идея еврейской культурной, а не территориальной автономии, вынашиваемая такими идеологами диаспоры, как Симон Дубнов, шире всего распространилась в Эстонии.⁴⁶ Культурная автономия давала право евреям на создание системы культурных учреждений и ограниченное самообложение налогом. Особенное значение для евреев имело право учреждать и руководить государственными и частными школами с преподаванием на их родном языке. Как в Латвии и Литве до 1924 г., государство субсидировало образование меньшинств. Оно выделяло 2,5 млн. эстонских марок, от необходимых 7 млн. в год, для поддержки еврейского образования. Однако закон об автономии не касался вопроса благосостояния, который был важен для евреев.⁴⁷

Организация еврейской культурной автономии была следующей. Зарегистрированные еврейские избиратели в семи больших эстонских городах выбирали 27 членов культурного совета. Из их числа выдвигались семь членов культурного самоуправления, руководство культурной автономии. Главой самоуправления вплоть до его роспуска Советами летом 1940 г. был Хирш Айзенштадт. Еврейский культурный совет собирал деньги с членов общины, большинство из которых были ремесленниками с низким доходом и не регулярно вносили плату. Несмотря на это, оперируя небольшими средствами, еврейское меньшинство руководило 32 различными организациями и ассоциациями. Все выгоды, которые евреи получили от культурной автономии, были омрачены одним особенным аспектом, имевшим продолжительное влияние на общину – дальнейшей изоляцией от других этнических групп и, прежде всего, эстонцев. В то время как евреи все больше срастались в тесно связанную общину, контакты с эстонским населением становились менее частыми.⁴⁸

В контексте международного законодательства о меньшинствах, эстонский закон о культурной автономии был значительным достижением. Их трех балтийских стран Эстония наиболее полно выполнила свои обязательства по отношению к немецким и

еврейским меньшинствам. Литва была первой страной в Европе, которая ввела национальную культурную автономию для своего еврейского меньшинства в 1919 г. Однако, эта автономия была построена скорее на прецеденте, чем на конкретной законной основе, что позволило литовскому правительству отменить ее через пять лет. Латвийские евреи получили культурную автономию в 1920 г. и наслаждались ею беспрерывно в течение всего периода независимости. Однако латвийская модель культурной автономии охватывала только учреждения образования. Международная общественность считала эстонский закон о культурной автономии примером законодательного документа. Секретариат Лиги Наций распространил копию этого закона среди членов организации. Автономия для словенского меньшинства в Каринтии, Австрия, была разработана по эстонской модели. Даже канадское решение проблемы меньшинства имела сходство с эстонским прототипом.⁴⁹ Еврейские организации единодушно хвалили Эстонию за ее доброжелательное отношение к меньшинствам. В 1927 г. Еврейский национальный фонд в Палестине вручил эстонскому правительству сертификат с благодарностью. Запись в «Золотой Книга» гласила: «как знак благодарности за первый исторический шаг в истории Израиля в виде предоставления национальной и культурной автономии еврейскому меньшинству в Эстонии». Я бы, все же, поостерегся использовать упомянутый выше документ в качестве окончательного доказательства того, что Эстония полностью искоренила зло антисемитизма.⁵⁰ Если внимательно вчитаться в текст сертификата, можно увидеть, что в нем превозносится беспрецедентное событие в еврейской истории, а не в Эстонии. Документ был поддержан новыми эстонскими еврейскими иммигрантами в Палестине и представлен сионистской организацией в Эстонии. Еврейский национальный фонд в Палестине, как филиал сионистского движения, был в основном заинтересован в притоке евреев в Эрец Исраел и по умолчанию был против создания благоприятных условий жизни для них в странах исхода. Другими словами, сертификат Золотой Книги имел в основном символическое значение.

Идея сотрудничества между меньшинствами появилась в Берлине и имела политическую подоплеку. Поощряя совместную работу, немецкие власти хотели опровергнуть заявления, что Германия содействует правам меньшинств в своих интересах (что было не далеко от истины). В Эстонии еврейское меньшинство, как и шведское, стало рассматриваться как самый большой союзник балтийских немцев. Обе группы оказались на обочинах эстонского общества, и у них отсутствовала склонность к воссоединению по этническому признаку. Другими словами, для балтийских немцев было политически безопасно сотрудничать со шведскими и еврейскими меньшинствами. Вместе со шведами балтийские немцы образовали в 1929 г. избирательный блок. Так как евреи воздерживались от парламентской активности, балтийские немцы по-другому выразили свою поддержку еврейскому меньшинству. В июле 1927 г. лидеры немецких меньшинств Европы созвали свой съезд в Таллинне. Когда дискуссия коснулась приглашения сионистов на международный конгресс меньшинств, только Пауль Шиманн из Латвии проголосовал «за».⁵¹ Принимая во внимание сходство между еврейскими и немецкими меньшинствами в Восточной Европе,⁵² нечего удивляться, что обе группы политически сотрудничали в Эстонии. Однако отношения между меньшинствами балтийских немцев и евреев с трудом можно было считать совместной работой. Скорее евреи воспользовались возможностью свободного прохода, который шведы проложили сквозь толстый лед всеобщего национализма. Сотрудничество на

уровне организаций между двумя общинами продолжалось до середины 1930-х гг., когда Эстония поддалась авторитаризму.

С марта 1934 г. страной фактически руководили два человека – действующий президент Константин Пятс и генерал Иохан Лайдонер. Пятс заменил многопартийную систему корпоративной. Все существующие партии и организации были упразднены в пользу поддерживаемой правительством Патриотической Лиги (Isamaaliit). Лайдонер занял две должности – главнокомандующего эстонскими вооруженными силами и министра внутренних дел, получив право запрещать забастовки и собрания. С введением цензуры была потеряна свобода слова. И хотя двойная диктатура Пятса-Лайдонера, представлялась новой политической системой как уникальная для Эстонии, принцип корпоративного государства, введенный в Эстонии, очень напоминал диктатуру Муссолини в Италии.⁵³ Меньшинства страны, предпочитавшие консерваторов радикальным правым, вообще говоря, поддержали путч. Немецкий культурный совет поторопился выразить свою лояльность новому старому режиму, который, в свою очередь, пообещал сохранить существующую политику по отношению к меньшинствам. Несмотря на растущий шовинизм, правительство Пятса избегало оскорблять меньшинства, чтобы не лить воду на мельницу интеллектуальной оппозиции.⁵⁴

Хотя новое законодательство прямо не затрагивало меньшинства, оно в каком-то смысле понизило их статус. Парламент же – к тому времени устаревший – был трансформирован в двухпалатный. Барон Вильгельм Врангель стал представлять интересы немецкого и еврейского меньшинств в Государственном Совете. Конституция 1938 г. предоставила двум культурным советам только одно место в Палате представителей. Место должно было достаться «старейшему культурному самоуправлению, если число его членов превышает 10.000». Евреи считали, что было бы лучше открыто заявить, что это немцам предоставлено право выбрать делегата во вторую палату. Еврейский юрист д-р Генрих Гуткин предложил тогда занимать это место двум культурным самоуправлениям по очереди.⁵⁵ Из-за расхождений между немецким и еврейским меньшинствами руководство страны приняло Соломоново решение, дав Гуткину место в Палате представителей.⁵⁶

Культурная автономия в Эстонии пережила кризис 1930-х гг. почти без потерь. Атаки на культурную автономию начались с появлением экономической депрессии. Принимая во внимание подоплеку закона об автономии, критика была направлена, в основном, на немецкое культурное самоуправление, которое рассматривалось теперь как потенциальный рассадник сепаратизма. Противники закона об автономии напоминали своим читателям о его статье, уточняющей, что меньшинствам разрешается развивать свою культуру только до тех пор, пока «это не противоречит интересам государства».⁵⁷ Евреи, как и ранее, не упоминались. Устные атаки на права меньшинств продолжались недолго, в основном благодаря тому, что Эстония подверглась влиянию мировой депрессии в меньшей мере, чем другие страны Восточной Европы.⁵⁸

Только два из четырех меньшинств Эстонии воспользовались культурной автономией. Проблема была больше в шведском и русском меньшинствах, чем в эстонском правительстве. Шведы, расселенные компактно на эстонском западном побережье, жили рыболовством. Шведско-говорящее меньшинство – вслед за цыганами (рома) – были

самой бедной и наиболее изолированной группой в Эстонии. Шведы не могли поддерживать свою автономию, в которой они, возможно, и не нуждались, при условии, что они могли сохранять шведский как язык обучения в их школах.⁵⁹ Ситуация с русским меньшинством была сложнее. На нескольких региональных встречах русские не шли дальше дискуссий о перспективах культурной автономии. Ведущий эстонский русский интеллектуал, Михаил Курчинский, занимавшийся защитой прав меньшинств, был широко известен в Европе. Он указал на следующие причины, по которым местные русские воздерживались от требования выполнения своих законных прав на культурную автономию. Русская пресса в Эстонии не обращала особого внимания на закон о культурной автономии, опубликованный первоначально по-эстонски. Несмотря на поддержку балтийских немцев, местные русские не выказывали стремления к единству своих рядов, важного для внедрения автономии в жизнь. Русские горожане и русские крестьяне на восточных границах говорили на разных языках. Уровень национального самосознания среди русских крестьян был удивительно низок. Русская интеллектуальная элита не могла преодолеть внутренний разлад между многочисленными культурными и политическими организациями. Иначе говоря, количество не компенсировало качество политической организации среди русских, которые в этом смысле намного отставали от других меньшинств. В то же время, модель немецкого и еврейского урегулирования в Эстонии отличалась от русской и шведской. Было бы легче и дешевле руководить культурной автономией в восточной части страны, где жило большинство русских. Согласно профессору Курчинскому, основными причинами пассивности русских по отношению к идее культурной автономии были относительная бедность и высокомерие.⁶⁰

Когда русские, в конце концов, достигли согласия по поводу автономии в конце 1930-х гг., в стране уже действовала авторитарная система. Тема всплыла во время дебатов по вопросу представительства в Народном собрании. Русское меньшинство вдруг приняло идею культурной автономии как средство препятствования дальнейшей эстонизации их школ и фамилий. Союз русских образовательных и благотворительных ассоциаций подал формальную просьбу о получении культурной автономии в октябре 1938 г. Курчинский должен был руководить избирательным комитетом. Эстонское правительство отказало в просьбе под предлогом, что новая конституция не предусматривает создания новых культурных самоуправлений. Такое решение было не удивительным, если принять во внимание те усилия, которые правительственные чиновники приложили для убеждения русского населения оставить идею культурной автономии. Крестьянство отступило немедленно, после того, как узнало о дополнительных налогах, сопровождавших автономию (одна эстонская крона в год). В июне 1939 г. русские организации решили возобновить свои усилия в борьбе за культурную автономию, но безрезультатно.⁶¹

В течение 1930-х гг. с немецким и русским меньшинствами обращались в Эстонии по-разному. Непоследовательность эстонской политики в отношении меньшинств влияла на позицию, занятую Советским Союзом и нацистской Германией по отношению к соответственным этническим родственникам за рубежом. В то время как Советский Союз практически прекратил пропагандировать этнические различия у себя и отказывал в поддержке русским, живущим за рубежом, Германия усиленно разыгрывала карту фольксдойче в Восточной Европе, включая Эстонию. Поэтому авторитарный режим

Пятса не должен был оглядываться, когда он отказался распространить культурную автономию на русское меньшинство. Совершенно другой была ситуация с балтийскими немцами с которыми эстонские власти обращались хорошо, чтобы не испортить отношений Эстонии с Третьим рейхом.

Во-первых и, прежде всего, Германия усилила свое экономическое присутствие в Эстонии. Ко второй половине 1930-х гг. она стала самым крупным торговым партнером Эстонии. Эстонское производство сланцевого масла достигло к тому времени беспрецедентного уровня развития благодаря выгодным контрактам с немецкими компаниями. До этого главными импортерами эстонского сланцевого масла были Финляндия, Латвия и Литва. Начиная с 1935 г., немецкий флот стал самым крупным потребителем эстонских нефтепродуктов. В 1939 г. эстонские фосфаты были проданы Германии на пять лет вперед. К тому времени иностранные владельцы – в основном немецкие – контролировали две трети частных компаний Эстонии. Смесь политических и экономических расчетов тянула Эстонию в сферу немецкого влияния.

Первые проявления дружественных отношений с нацистской Германией появились летом 1934 г. Без сомнений, поворот в эстонско-немецких отношениях совпал с началом торговых переговоров с немецким флотом. К 1935 г. Эстония окончательно направила свою долгосрочную политическую ориентацию в сторону нацистской Германии. Генерал Йохан Лайдонер, глава эстонских вооруженных сил, заявил в марте 1935 г., что Советский Союз – единственный враг Эстонии, и у эстонских солдат одна задача – бороться с большевизмом. Начиная с 1936 г. в Эстонии, по существу, было две внешние политики: официальная – нейтралитета и неофициальная, развивающая эстонско-немецкие отношения, которая проявлялась в откровенно дружеских заявлениях и согласовании эстонской внешней и оборонной политики с Берлином.

Общие экономические интересы были гарантией против нарушений прав меньшинств в Эстонии. Немецкое культурное самоуправление, балтийская немецкая партия, немецкоязычные школы – эти учреждения не выжили бы без финансовой поддержки бизнесов балтийских немцев.⁶² Поэтому для эстонского правительства было бы самоубийственным уничтожение закона о культурной автономии без риска занять врагов, как в лице балтийских немцев, так и нацистской германской столицы. Как и в 1925 г., когда закон об автономии был провозглашен, евреи опять были очень мало вовлечены в обстоятельства, дававшие им возможность процветать в Эстонии. Как это ни парадоксально, безопасность эстонских евреев была гарантирована результатом эстонско-немецкого сотрудничества. Однако она имела цену – замалчивание новостей о преследовании евреев в нацистской Германии.

Выводы

Нет определенного ответа на вопрос, почему авторитарный режим Константина Пятса (1934-1940) оставил закон о меньшинствах нетронутым. Ясно, однако, что решение поддержать культурную автономию включало в себя определенную степень политического расчета. С одной стороны, эстонское руководство не хотело лишиться международного престижа, заработанного им введением закона об автономии в 1925 г.⁶³ Экономическая и политическая зависимость от нацистской Германии была другой

возможной причиной, почему Пятс решил оставить в покое меньшинство балтийских немцев. Что касается евреев – они шли по стопам немцев и, возможно, могли наслаждаться своим статусом автономии так долго, сколько эстонское правительство терпело фольксдойчен. Говоря о нацистах – они объясняли решение эстонского правительства поддерживать культурную автономию меньшинств немцев и евреев прагматизмом эстонцев, которые, предположительно, рассматривали этнических немцев как культурную ценность.⁶⁴

В сравнении с другими странами центральной Восточной Европы, включая Латвию и Литву, евреи жили в независимой Эстонии комфортабельно. Уровень бытового антисемитизма в Эстонии, даже по восточно-европейским стандартам, был низким. Эстонское правительство – с одобрения международной общественности – предоставило еврейскому меньшинству культурную автономию и никогда не пыталось ее отменить. В то же самое время, культурная автономия снизила взаимодействие между эстонцами и евреями, что позже привело к большей их замкнутости. Самой тревожной особенностью еврейского опыта в Эстонии между двумя мировыми войнами была следующая – их не принимали на государственную службу. Это не привело, однако, к исходу евреев из Эстонии в каких-либо значительных масштабах. Напротив, в конце 1930-х гг. Эстония стала домом для около ста еврейских беженцев из Австрии и Германии. Невозможно спорить с тем, что из всех этнических меньшинств евреи – принимая во внимание их небольшое число – выиграли больше других в независимой Эстонии. Только балтийские немцы имели такой же уровень организации, как евреи. В то же время, в противовес этническим немцам и русским, евреи не оставили заметного следа в сознании эстонцев. Причиной этому в какой-то мере было геополитическое положение Эстонии и ее отношения с другими странами и народами. В кратце, как эстонцы относились к евреям в 20е и 30е годы, и внезапное, хотя и объяснимое, изменение в их отношении к евреям в начале 40х годов, во многом происходило от того, как эстонцы воспринимали самих себя. Эстонцы терпели евреев до тех пор, пока последние оставались в стороне от основной политической идеологии страны. Закон о культурной автономии даровал определенные права эстонским евреям. Как эти ни парадоксально, он увеличил изоляцию евреев от большинства населения, которое продолжало считать их чужими.

Заметки об авторе

Антон Вайс-Вендт получил степень доктора по современной еврейской истории в университете Брандейс. До работы в норвежском центре Холокоста в Осло он преподавал советскую историю в Кильском университете в Великобритании. Его интеллектуальные интересы включали (но не ограничивались этим) сравнительный геноцид и судебное преследование военных преступлений, а также восточно-европейскую и советскую историю. Он публиковался в “Journal of Genocide Research”, “Holocaust and Genocide Studies”, “Nationalities Papers” и “Journal of Baltic Studies”. Его рукопись «Убийство без ненависти: эстонцы, Холокост и проблема сотрудничества» в настоящее время готовится к публикации в University press. Последнее его исследование рассматривает связь между судами над военными преступниками и холодной войной.

Ссылки

1. Jokton, *Juutide ajalooost Eestis*, 12, 22; Saks, *Kes on Juudid*, 133; Berg, "Juudi asustuse iseärasusi Eestis," 827.
2. *Evreiskaia Molodaia Mysl* (Reval), April 1 and June 28, 1919.
3. Alenius, "Under the Conflicting Pressures," 38.
4. AJDC, "Esthonia: Narva," no date [1926], Yidisher Visnshaftlekher Institute of Jewish History (hereafter: YIVO), RG-335.2/Box 1/Folder 8.
5. "Aiding Jews Overseas," report of the AJDC for 1940 and the first five months of 1941, YIVO, RG-335.1/Box 1. Of all European Jewish communities only the one in Greece received less money.
6. American Jewish Committee, *The Jewish Communities*, 4–5.
7. Pflug, "Aspekte jüdischen Lebens," 55–6. At the same time, per capita, Jews spent more money on education than any other ethnic group in the country.
8. Weiss-Wendt, "The Soviet Occupation," 310.
9. Hehn, *Die Umsiedlung*, 11, 165.
10. Verschik, *Estonian Yiddish*, passim.
11. Levin, *Baltic Jews*, 4.
12. American Jewish Committee, *The Jewish Communities*, 3.
13. Lindroos, "Judaistika õppetool," 2143–48.
14. Mendelsohn, *The Jews*, 227–33, 247–50.
15. Weiss-Wendt, "The Soviet Occupation," 309.
16. Aule, "Juden und Esten," 7.
17. Parming, "The Jewish Community," 252–3; Ruutsoo, "Rahvusvähemused," 17–18.
18. Parming, "The Jewish Community," 253, 255.
19. *Põhja Kodu* (Narva), May 13, 1930.
20. "Die Auswanderung aus Estland im Jahre 1927," *Nation und Staat* 1 (1927/8): 900–1.
21. Gurin-Loov, *Eesti juutide katastroof*, 219.
22. Jokton, *Juutide ajalooost Eestis*, 44.
23. "Aid to Jews Overseas," report on the activities of the AJDC for the year 1937, YIVO, RG-335.1, Box 4.
24. "Estland: Einreise der Juden verboten," *Mitteilungen über die Judenfrage* 2, nos. 26–7 (1938): 10.
25. Kasekamp, *The Radical Right*, 73–7, 146–7; idem, "Vapsid," 12.
26. American Jewish Committee, *The Jewish Communities*, 6.
27. Robinson, *Were the Minorities*, 165–7, 202–3.
28. Made, *Eesti ja Rahvaste Liit*, 110–14, 118–19; Putins Peters, "Baltic State Diplomacy," 284–91.
29. Truhart, *Völkerbund*, 8, 50–1, 86–7, 114–15, 136. See also Junghann, *National Minorities*, 41–6.
30. German Foreign Office to the German diplomatic mission in Tallinn, November 15, 1922, US National Archives and Records Administration (hereafter: NARA), T-120/5769.
31. Fink, "Defender of Minorities," 330–2, 335–7.
32. Grundmann, *Deutschumspolitik*, 278.
33. Rosenberg, "Eesti 1919," 74, 77.
34. Putins Peters, "Baltic State Diplomacy," 293–4.
35. Garleff, *Deutschbaltische Politik*, 16–18, 79.
36. *Ibid.*, 108–9, 112.
37. Ketola, *The Nationality Question*, 144–70.
38. Hasselblatt, "Der Gedanke der Kulturautonomie," 41.
39. Alenius, "Under the Conflicting Pressures," 35, 36.
40. Garleff, *Deutschbaltische Politik*, 158.
41. *Ibid.*, 161, 172; idem, "Die Parteiorganisation," 55.
42. Congress of the Jewish Communities in Estonia, Resolution, May 11, 1919, YIVO, Vilno Archives, RG-33/13.
43. US Legation in Estonia, "Survey of Conditions in Esthonia for the Month of February 1925," March 10, 1925; *ibid.* for the month of September 1925, October 19, 1925, NARA, M-1170/2.
44. Maddison, *Die nationalen Minderheiten*, 30–3; Ammende, *Die Nationalitäten*, 22.
45. Hasselblatt, "Hat sich die Kulturautonomie in Estland gewährt?" 443.
46. Mendelsohn, *The Jews*, 254.

47. Ammende, *Die Nationalitäten*, 23, 24; Ruutsoo, "Rahvusvähemused," 12; Paul, "Eestlaste ja juutide suhetest," 247.
48. Pflug, "Aspekte jüdischen Lebens," 54–5; Gurin-Loov and Gramberg, *Eesti Juudi Kogukond*, 11.
49. Hasselblatt, "Der Gedanke der Kulturautonomie," 46.
50. Parming, "The Jewish Community," 252, 254.
51. Grundmann, *Deutschtumspolitik*, 290–1.
52. Mendelsohn, *On Modern Jewish Politics*, 131.
53. US Legation in Estonia to the Secretary of State, March 9, March 20, May 28, 1935, NARA, M-1170/10.
54. "Lage: Estland," *Nation und Staat* 8 (1934/5): 795, 796.
55. "Die Lage: Estland," *Nation und Staat* 10 (1936/7): 773, 774.
56. Garleff, *Deutschbaltische Politik*, 185.
57. "Estland," *Nation und Staat* 5 (1931–2): 327.
58. Crampton, *Eastern Europe*, 103.
59. Pöhl, "Die Estlandschweden," 600.
60. "Von einer russischen Kulturselbstverwaltung in Estland;" "Die Lage: Estland;" Mikhail Kurchinskii, "Kulturautonomie und die russische Minderheit in Estland," *Nation und Staat* 2 (1928–9), 642–3, 716–17, 775–84.
61. "Die Lage: Estland," *Nation und Staat* 11 (1937/8); Isakov, *Russkoe natsional'noe men'shinstvo*, 44–7.
62. Vasara, "Die deutschbaltische Minderheit," 587–8.
63. Wrangell, "Zur Situation," 402–03.
64. Ungern-Sternberg, *Die Bevölkerungsverhältnisse*, 16.

Библиография

- Alenius, Kari. "Under the Conflicting Pressures of the Ideals of the Era and the Burden of History: Ethnic Relations in Estonia, 1918–1925." *Journal of Baltic Studies* 35, no. 1 (2004): 32–49.
- American Jewish Committee. *The Jewish Communities of Nazi-Occupied Europe*. New York: Howard Fertig, 1982 [1944].
- Ammende, Ewald. *Die Nationalitäten in den Staaten Europas*. Vienna/Leipzig: Wilhelm Braumüller, 1931.
- Aule, Olgred. "Juden und Esten." *Mitteilungen aus baltischem Leben* (Munich) 4 (December 1987).
- Berg, Eiki. "Juudi asustuse iseärasusi Eestis" [Peculiarities of Jewish settlement in Estonia]. *Akadeemia* 6, no. 4 (1994).
- Crampton, R.J. *Eastern Europe in the Twentieth Century and After*. London and New York: Routledge, 1997.
- Fink, Carole. "Defender of Minorities: Germany in the League of Nations, 1926–1933." *Central European History* 5, no. 3 (1972).
- Garleff, Michael. *Deutschbaltische Politik zwischen den Weltkriegen: Die parlamentarische Tätigkeit der deutschbaltischen Parteien in Lettland und Estland*. Bad Godesberg, North Rein-Westphalia: Verlag wissenschaftliches Archiv Bonn, 1976.
- . "Die Parteiorganisation der baltischen Deutschen und ihre Beteiligung an der parlamentarischen Arbeit von 1920 bis 1934." In *Die deutsche Volksgruppe in Estland während der Zwischenkriegszeit und aktuelle Fragen des deutsch-estnischen Verhältnisses*, edited by Boris Meissner et al., 47–61. Hamburg: Bibliotheca Baltica, 1997.
- Grundmann, Karl-Heinz. *Deutschtumspolitik zur Zeit der Weimarer Republik: Eine Studie am Beispiel der deutsch-baltischen Minderheit in Estland und Lettland*. Hannover: Harro v. Hirschheydt, 1977.
- Gurin-Loov, Eugenia. *Eesti juutide katastroof 1941/Holocaust of the Estonian Jews, 1941*. Tallinn: Estonian Jewish Community, 1994.
- , and Gennadi Gramberg. *Eesti Juudi Kogukond* [The Jewish Community of Estonia]. Tallinn, 2001.
- Hasselblatt, Cornelius. "Der Gedanke der Kulturautonomie und seine gesetzliche und organisatorische Verwirklichung." In *Die deutsche Volksgruppe in Estland während der Zwischenkriegszeit und*

- aktuelle Fragen des deutsch-estnischen Verhältnisses*, edited by Boris Meissner et al. Hamburg: Bibliotheca Baltica, 1997.
- Hasselblatt, Werner. "Hat sich die Kulturautonomie in Estland gewährt?" *Nation und Staat* 4 (1930–1).
- Hehn, Jürgen von. *Die Umsiedlung der baltischen Deutschen – das letzte Kapitel baltischdeutscher Geschichte*. Marburg: J.G. Herder-Institut, 1984.
- Isakov, Sergei. *Russkoe natsional'noe men'shinstvo v Estonskoi Respublike (1918–1940)*. Tartu, St. Petersburg: Cripta, 2000.
- Kasekamp, Andres. *The Radical Right in Interwar Estonia*. New York: St. Martin's Press, 2000.
- . "Vapsid ja vähemusrahvused" [Vaps and ethnic minorities]. *Ajaloo Ajakiri* 1 (1997).
- Ketola, Mikko. *The Nationality Question in the Estonian Evangelical Lutheran Church, 1918–1939*. Helsinki: Finnish Society of Church History, 2000.
- Jokton, Kopl. *Juutide ajalooost Eestis* [On the History of Jews in Estonia]. Tartu, Estonia, 1992 [1926].
- Junghann, Otto. *National Minorities in Europe*. New York: Covici-Friede, 1932.
- Levin, Dov. *Baltic Jews under the Soviets, 1940–1946*. Jerusalem: Hebrew University Press, 1994.
- Lindroos, Katri. "Judaistika õppetool Tartu Ülikoolis 1930. aastatel" [Chair in Judaic Studies at Tartu University in the 1930s]. *Akadeemia* 6, no. 11 (1994).
- Maddison, Eugen. *Die nationalen Minderheiten Estlands und ihre Rechte*. Tallinn, 1930.
- Made, Vahur. *Eesti ja Rahvaste Liit* [Estonia and the League of Nations]. Tartu, Estonia: Tartu University Press, 1999.
- Mendelsohn, Ezra. *The Jews of East Central Europe Between the World Wars*. Bloomington: Indiana University Press, 1983.
- . *On Modern Jewish Politics*. New York: Oxford University Press, 1993.
- Parming, Tõnu. "The Jewish Community and Inter-ethnic Relations in Estonia, 1918–1940." *Journal of Baltic Studies* 10, no. 3 (1979).
- Paul, Toomas. "Eestlaste ja juutide suhetest" [On Estonian–Jewish relations]. *Looming* 2 (1997).
- Pflug, Helker. "Aspekte jüdischen Lebens in Estland bis 1940." In *Die vergessenen Juden in den baltischen Staaten*, edited by Ansgar Koschel und Helker Pflug. Cologne: Verlag Wissenschaft und Politik, 1998.
- Pöhl, Hjalmar. "Die Estlandschweden." *Nation und Staat* 11 (1937/8).
- Putins Peters, Rita. "Baltic State Diplomacy and the League of Nations Minorities System." In *The Baltic in International Relations between the Two World Wars*, edited by John Hiden and Aleksander Loit. Stockholm: Studia Universitatis Stockholmiensis, 1988.
- Robinson, Jacob, Oscar Karbach, Max Laserson, Nehemiah Robinson, Marc Vichniak. *Were the Minorities Treaties a Failure?* New York: Institute of Jewish Affairs, 1943.
- Rosenberg, Tiit. "Eesti 1919. aasta maareform: Võrdlusjoomi ida- ja kesk-Euroopa maadega" [The 1919 land reform in Estonia: a comparative study of East Central European countries]. In *Kaks algust: Eesti Vabariig – 1920. ja 1990. aastad*, edited by Jüri Ant. Tallinn: Eesti Riigiarhiiv, 1998.
- Ruutsoo, Rein. "Rahvusvähemused Eesti Vabariigis" [Ethnic minorities in Estonia]. In *Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis, 1918–1940*, edited by Anna Matsulevich. Tallinn: Olion, 1993.
- Saks, Elhonen. *Kes on Juudid ja mis on holokaust?* [Who Are the Jews and What Is the Holocaust?]. Tallinn: Sild, 2003.
- Truhart, Herbert von. *Völkerbund und Minderheitenpetitionen*. Vienna/Leipzig: Wilhelm Braumüller, 1931.
- Ungern-Sternberg, Roderich. *Die Bevölkerungsverhältnisse in Estland, Lettland, Litauen und Polen: Eine demographisch-statistische Studie*. Berlin: Verlagsbuchhandlung von Richard Schoetz, 1939.
- Vasara, Vesa. "Die deutschbaltische Minderheit in Estland in der Zwischenkriegszeit: Wirtschaft und Finanzen." *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung* 44, no. 4 (1995).
- Verschik, Anna. *Estonian Yiddish and Its Contacts with Co-territorial Languages*. Tartu, Estonia: Tartu University Press, 2000.
- Weiss-Wendt, Anton. "The Soviet Occupation of Estonia in 1940–41 and the Jews." *Holocaust and Genocide Studies* 12, no. 2 (1998).
- Wrangell, Wilhelm. "Zur Situation der Deutschbalten in Estland bis zur Umsiedlung." In *Zwischen Reval und St. Petersburg: Erinnerungen von Estländern aus zwei Jahrhunderte*, edited by Henning von Wistinghausen. Weissenhorn, Bavaria: Anton H. Konrad Verlag, 1993.